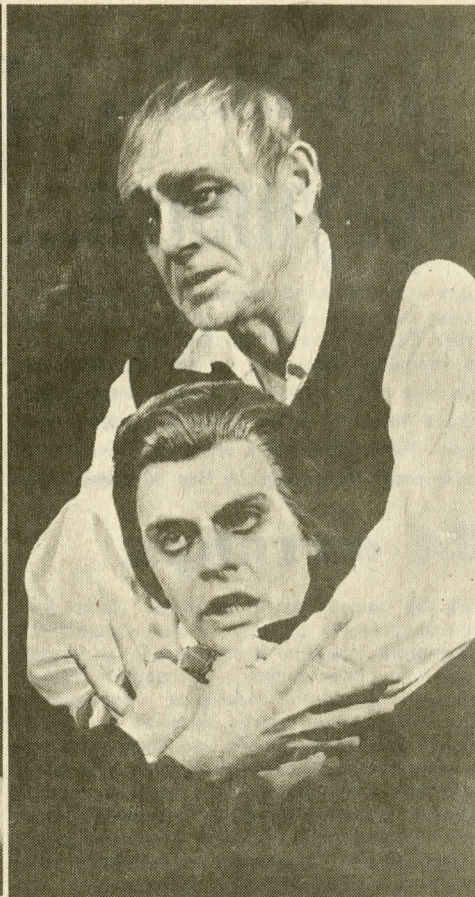
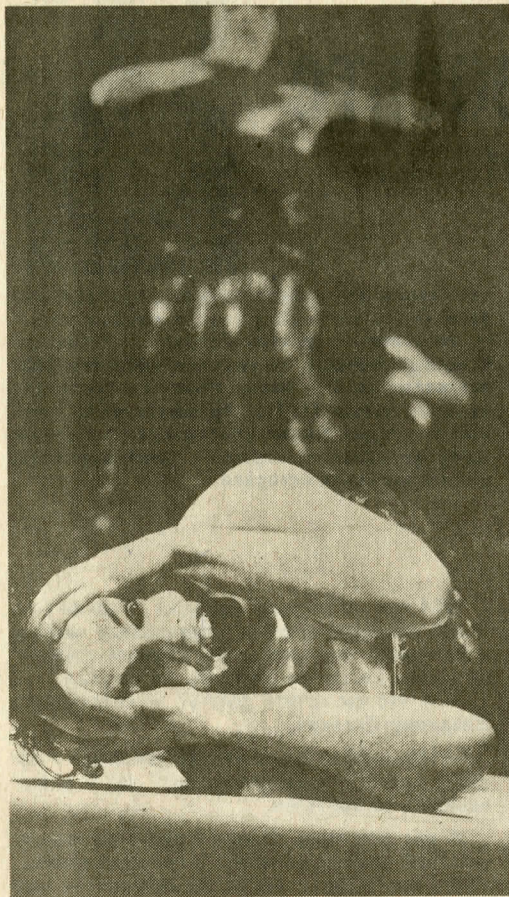

В. К. М. Ю. 924

Точка зрения

На снимках: сцены из спектаклей «Персы» Эсхила (Аттис театр, Афины) и «Коварство и любовь» Шиллера (БДТ им. Г. А. Товстоногова).

Фото Владимира СУВОРОВА.

Играем Чехова или в Чехова?

ПЕРВЫЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА

Первому международному фестивалю придано имя А. П. Чехова. Почему — об этом многократно сказано. Как сказано и о том, что второй Российский фестиваль «Играем Чехова» существует и играет свои спектакли на московских сценах, как бы в дополнение, в сопровождение основного. На пресс-конференции (двух фестивалей) договорились — конфликта нет. Но обида осталась. Почему так произошло и что значит имя Чехова на двух фестивальных афишах — об этом статья, которую «ВК» публикует, справедливо считая, что каждый имеет право на свою точку зрения.

Первый международный театральный фестиваль имени Чехова в Москве начался почти по Чехову. На спектаклях «Коварство и любовь» (С.-Петербург, постановка Т. Чхеидзе) и «Вишневый сад» (режиссер П. Штайн) было так же много народу, как на одном из представлений конца прошлого века, о котором рассказал молодой, двадцатилетний Антоша Ч. (так он подписался под своей рецензией): «Начиная с оркестра и кончая райком, роится, лепится и мелькает такая масса всевозможных голов, плеч, рук, что вы невольно спрашиваете себя: «Неужели в России так много людей? Батюшки!».

На спектакль «Вишневый сад» (Берлин, постановка П. Штайна) добрая треть зрителей не сразу попала в зал и час с лишним, до первого антракта, мыкалась по фойе, препираясь с капельдинерами и администраторами Художественного театра, что в Камергерском переулке.

Уже Раневская допила на сцене свой кофе, а в единственную, наполовину открытую дверь еще входили последние зрители. Они добрались со всех концов Москвы, спешили на праздник. А приехали к извечному русскому порядку. Студенты штурмом брали театр, занимали свободные места в зале, оставив на улице и в фойе тех, кто старше, слабее, воспитаннее. Празднику открыли половинку одной двери, а обещали распахнуть ворота. Получилось по пословице: обещал бычка, а дает тычка.

Правда, на некоторых следующих спектаклях зрители могли занять любое место в партере, их дыхание бесшумно таяло в огромных сводах академического театра, что на Тверской. Спектакль «Доктор Стокман» (Ереван, постановка Х. Абрамяна) подтверждал высочайшие оценки европейских критиков, но посмотрели его немногие. И хотелось, перефразируя Чехова, спросить: «Неужели в Москве так мало людей? Батюшки!».

Почему на «Вишневом саде» было страшно, что обвалятся переполненные ярусы? Имя режиссера? Отзвуки сказочного успеха «Трех сестер»? Можно объяснить этим. Но, кажется, дело совсем в другом. Уже сейчас с нетерпением ждут «Вишневый сад» О. Крейчи из Праги и А. Щербана из Бухареста. Они, к счастью, приезжают.

Зато огорчены поклонники грузинского театра. Они не увидят на московской сцене великолепного О. Мегвинетухуцеси, А. Махарадзе, Г. Харабадзе в спектаклях «Хранители Граля» и «Жизнь есть сон». Два тбилисских театра отказались приехать, объяснив свое решение политическими событиями.

Любители творчества Э. Некрошюса наверняка сожалеют, что не будут аплодировать его новой постановке. И тут не сбывается обещанию организаторов фестиваля, что москвичи будут первыми зрителями спектакля «Кармен». Литовский театр, кажется, тоже не приезжает.

Ну а почему не приехал на Первый международный фестиваль имени Чехова ни один российский театр с чеховской постановкой? Этот вопрос возник, едва стала известна афиша фестиваля. Ответ организаторов был краток: решали не мы, а республиканские союзы театральных деятелей. И вообще «имени Чехова» — не значит один Чехов.

Конечно, не значит. Однако, отчего вообще без российского Чехова? А могли, следовательно, совсем обойтись без Чехова, если бы Штайн, Крейча, Щербан привезли другие свои спектакли. Этакий фестиваль для узкого театрального круга, потребовавший наверняка больших расходов, в то время, как русский театр в провинции еле сводит концы с концами. Театры сдают помещения, чтобы выжить: талантам туго приходится без поклонников с миллионными счетами в банках. Они сопротивляются, они хотят жить, а не выживать. Театры ставят Чехова, в его произведениях ищут духовной поддержки, обновления, пути в завтрашний день. А им всем брошено из Москвы: мол, «просят не беспокоиться».

Знают, да, знают те, кто отверг Чехова на русской сцене, что сейчас в России чрезвычайный интерес к Чехову. Еще несколько лет назад раздавались академически уверенные голоса, что время Чехова кончается, что театр дочерпывает психологическое содержание его драмы. Сегодня эти же пророки громче всех говорят о том, что мир снова смотрится в зеркало чеховского творчества.

Да, мир смотрится, и это доказал спектакль П. Штайна. Но самое главное: Россия читает своего гения, русский театр играет Чехова в надежде понять, что происходит с Россией, потому что перемены, новые отношения, резкое расслоение людей на богатых и бедных,

боль миллионов «маленьких людей» вдруг стремительно приблизили время Чехова и его героев. Дистанция невероятна сократилась. Это о нас, это про нас писал Чехов в «Палате № 6», в «Мужиках», в «Вишневом саде». Вот такой неожиданный исторический казус! Здесь истоки и причины обращения русского театра к Чехову. На сценах России идут все пьесы Чехова, инсценировки по многим повестям и рассказам. Чехова играют на оперной и балетной сценах, снова ставят его водевили.

Душевное влечение русского театра к Чехову — это напряжение и тоска нынешней нашей жизни. Театр услышал этот призыв в гуле современной жизни и ответил на него чеховскими спектаклями, не замеченными теми, кто решал судьбу фестиваля. А на возражения, что есть, есть очень интересные постановки Чехова и в Москве, и в Воронеже, в ответ на просьбы, например, Чеховской комиссии Российской академии наук пригласить «Вишневый сад», поставленный В. Пахомовым в Липецке, начиналось обсуждение личности режиссера, а не его спектакля, ссылки на неведомых критиков, которые видели спектакль, и он им очень-очень не понравился. В конце концов становилось понятно, что не художники, а чиновники решали, кого пригласить, а кого — нет. И всплывала в памяти одна дневниковая запись Чехова.

В тот самый страшный день, когда зрительный зал Александринского театра хохотал над «Чайкой», когда в партере порхали пуценные критиками слова «дичь», «чушь», «декадентский бред», автор наблюдал в артистической уборной за театральными чиновниками, пришедшими к актрисам. Позже он записал: «Если человек присасывается к делу, ему чуждому, например, к искусству, то он, за невозможностью стать художником, неминуемо становится чиновником. Столько людей таким образом паразитирует около науки, театра и живописи, надев вицмундиры! То же самое, кому чужда жизнь, кто неспособен к ней, тому больше ничего не остается, как стать чиновником».

Не стоит грешить на всех чиновников. Среди них много профессиональных, порядочных людей, бескорыстно трудившихся во славу фестиваля имени Чехова. Но те, кому чужда жизнь, сами того не желая, как бы спровоцировали другой фестиваль, начавшийся одновременно с международным. Назван он был подчеркнуто и обязывающе: «Играем Чехова».

В очень короткий срок созвонились между собой режиссеры из разных российских городов, нашли людей, готовых нести расходы, и без шума начался в Москве параллельный чеховский фестиваль. На малых сценах московских театров уже сыграны перед заполненными залами «Чайка» из Владивостока (постановка Л. Анисимова), «Скрипка Ротшильда» из Воронежа (постановка М. Бычкова), «Вишневый сад» из Таганрога (постановка Ю. Калантарова), «Чайка» из Пскова (постановка В. Радуна)...

Российские театры играют в содружестве с московскими театрами, поэтому в программе спектакли Ю. Еремина («Палата № 6»), «Черный монах», Ю. Погребничко («Чайка»), Л. Трушкина («Вишневый сад»), С. Арцыбашева («Три сестры»), Б. Покровского («Свадьба»), Л. Дурова («После бенедикса»). Русский театр играет Чехова.

Нет, он вместе со своим зрителем, московским и тем, в русских провинциальных городах, вслушивается в гул русской жизни конца двадцатого века. Эта трудная, бедная жизнь не чужда им уже потому, что для этих режиссеров и актеров, для организаторов этого фестиваля Чехов — не имя, которым можно придать вес спектаклю и фестивалю, а Чехов — русский гений, живший в Москве, в Мелихове и в Ялте одною жизнью со всеми, заплативший за каждое свое слово здоровьем, умиривший с болью за Россию и не выносивший околотеатральной, окололитературной суеты. Однажды, незадолго до рокового кровотечения, обнаружившего короткий срок жизни, Чехов записал, вернувшись с обеда, в память великой реформы: «Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера, — это значит лгать святому духу». Ради такого Чехова наверняка ехали в Россию Штайн, Крейча, Щербан. Такого Чехова играют в эти дни русские театры в Москве.

Алевтина КУЗИЧЕВА.